

КОНЦЕПЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ Ф. ШЕЛЛИНГА

Согласно точке зрения системы абсолютного тождества, достигнутой Шеллингом к 1801 году в «Изложении моей системы философии», абсолютное тождество есть сама *вселенная*, которая представляет собой (как мировой принцип) непрерывный бесконечный ряд эволюционно прогрессирующих потенций, и является органическим живым Целым (абсолютной тотальностью всех потенций). Точно таким же органическим Целым должна быть и *одна единая Наука*, которая есть ничто иное, как форма выражения (или «*отражения*») самой вселенной. И, подобно тому, как *отдельные единичные вещи* и явления унисвеса как таковые не являются самой вселенной, но, как выражается Шеллинг, находятся *вне* абсолютного тождества и для него (т.е. *поистине!*) не существуют, так же и *отдельные науки*, занятые отдельными (единичными) явлениями и погружённые в единичное бытие как таковое, превращаются в изолированные друг от друга отрасли фабрично-заводского типа, механически производящие лишь неорганические части, без интереса ко всему остальному. Но поистине различные науки должны быть достигнуты не как механический агрегат, со всех сторон исследующий многообразный мир эмпирических единичностей, но как *члены единого живого организма*, исполненные и движимые духом Целого. Лишь такое понимание каждой отдельной науки самой себя – как органического члена единого Целого всех наук – позволит ей правильно определить своё *истинное место* в ряду всех наук, со своею индивидуальной задачей и индивидуальным характером её решения. В противном случае, без такого понимания, науки превращаются в лишённое понимания всеобщей цели и свободы дело, подобное умертвляющей дух фабрично-заводской работе. Поэтому в «*Лекциях о методе академического образования*» (1803) Шеллинг подчёркивает мысль, высказанную впервые ещё Аристотелем, о том, что *академические научные занятия должны быть делом свободных людей*, а не рабов, исполняющих свою работу исходя из каких-то частных, ограниченных и чуждых всеобщей органической сущности всех наук, цели. Такое свободное отношение к Науке возможно выработать лишь для такого студента, который в процессе образования сумеет возвыситься свой дух до понимания *живой связи Целого всех наук*, которая и составляет живой дух Науки. Введение или руководство к такому пониманию и составляет основную тему и задачу «*Лекций о методе академического образования*» 1803 г.

Наука есть, согласно Шеллингу, *цельная система развития*, органическое единство, овладевающее историческим материалом, который выступает для неё как *явление самого разума*. В то время как критическая точка зрения Канта полагала это органическое Целое всей Науки распавшимся на *рациональные* и *исторические* (эмпирические) науки, Шеллинг, как и Фихте, утверждает самое тесное *взаимодействие* обоих научных направлений, при этом, в отличие от Фихте, пытается сохранить и преобразовать в духе Целого феноменальный характер научного «материала». При этом, разумеется, такое истинное познание возможно лишь на основе *философского созерцания* этого научного Целого, которое необходимо предшествует всякому истинному изучению и познанию. «Кто посвящает своё (весьма, впрочем, похвальное) *прилежание* подчинённой и ограниченной науке, тот не годится для того, чтобы возвыситься до *созерцания* органического Целого Науки. Это созерцание вообще можно ждать лишь от *Науки всех наук, от философии*», ибо только философия, согласно Шеллингу, обладает тем, от чего зависит всякое дальнейшее исследование абсолютной тотальности, т.е. последней цели познания, – это «*идея в самом себе безусловного знания*, абсолютно Единое, в котором всякое знание также есть только единое, – идея того *Празнания* (*Urwissen*), которое, расщепляясь лишь на различных ступенях являющегося идеального мира, простирается на всё неизмеримое древо познания. В качестве *знания всякого знания* оно должно быть тем, что совершеннее всего выполняет и содержит требование или *предпосылку*, которая делается во всяком его виде, – и не только для *особенного* случая, но и для абсолютно всеобщего. Если можно выразить эту предпосылку как *согласие с предметом*, как *чистое разрешение особенного во всеобщее*, или как-нибудь ещё, то она ни вообще, ни в каком-либо отдельном случае немислима без *более высокой предпосылки*, состоящей в том, что истинно *Идеальное* исключительно и без дальнейшего опосредования есть также истинно *Реальное*, и что вне одного нет другого. Мы, собственно, не можем доказать само это существенное единство в *философии*, так как оно скорее является *входом во всякую научность*; можно доказать лишь то, что *без него вообще нет никакой науки*, а также показать, что во всём, что претендует на то, чтобы быть Наукой, *это тождество* (т.е. *абсолютное тождество – И.Ф.*) или это *полное восхождение* Реального к Идеальному [и, наоборот, возможность полного перемещения Идеального в Реальное] собственно и является *целью*. – *Бессознательно эта предпосылка лежит в основе всего того, чем славятся различные науки о всеобщих законах вещей (или природы вообще), равно как и их стремление к познанию этих законов*. Они хотят, чтобы *Конкретное* и в особенных явлениях *Непроницаемое* (*Undurchdringliche*) разрешилось для них в *чистую очевидность и прозрачность всеобщего разумного познания*» [1]. Лишь вследствие *непонимания* всеобщего и абсолютного характера этой предпосылки философского знания можно *допустить* непризнание её со стороны более ограниченных сфер (нефилософского) познания.

Только признанием существования *цельной системы развития* абсолютного знания можно определить подлинно *научные задачи*, требующие разрешения, ибо они с необходимостью следуют из *всеобщей системы наук* в качестве её «*постулатов*». Поэтому истинная философия есть та, которая в различных науках видит не просто «*агрегат*» внешних соединённых сведений различных не связанных между собой сфер научных познаний, но видит (и стремится увидеть!) в них *единое органическое Целое*, как живое древо познания выросшее

из единого корня. Такова, согласно Шеллингу, философия абсолютного тождества, система которого познаёт (или признаёт) «абсолютный разум», «вечный субъект-объект», «первичное знание» первоначальным принципом, раскрывающимся во вселенной в его цельности. «Абсолютное есть первообразное, праобразующее, вечное знание: *знание в его цельности есть отражение этого Абсолютного*. Всякая мысль, не заключающая в себе этого духа единства и цельности, сама по себе пуста и заслуживает порицания (!), представляет собой бесплодное, неорганическое дело. *Всякое знание есть стремление к общению с божественною сущностью*, есть участие в том знании, образом которого служит видимая вселенная, и которое зародилось в уме вечной власти» [2]. Таким образом, *основная идея абсолютного тождества* состоит в том, что действительно только *вечно развивающееся знание совершенного (или абсолютного) единства Идеального и Реального*. Это абсолютное тождество Идеального и Реального и есть *цель и условие* для всякой науки, достойной этого имени. Ибо всякая наука должна стремиться, согласно Шеллингу, к совершеннейшему согласию мысли с объектом, которое уже *предполагает* действительное тождество обеих этих сторон («мысли» и «объективности»). Такое совершенное знание абсолютного тождества «мысли» и «объективности» и должно завершать эволюцию мира и внутреннюю его цель, совершенствуя и дополняя во вселенной *божественное откровение*, само являясь «*образом божественной природы*». Неудивительно, что утилитарная (т.е. несовершенная и подчинённая противоположности знания и деятельности) наука считает своё «знание» не целью, но только средством для внешней деятельности.

Итак, сформулировав на основании своей системы абсолютного тождества *основную задачу философии* (выявить вечное, единственно действительно существующее и развивающееся знание абсолютного тождества Идеального и Реального), Шеллинг делает попытку наглядного методологического разрешения этой задачи в «*Лекциях о методе академического образования*» 1803 г.

Всякое знание, согласно Шеллингу, есть «стремление к общности с божественным Существом, есть участие в Его Празднании», образ которого выступает как вселенная, «есть видимый Универсум». Поскольку же всякое знание по-существу есть *единое* знание, Единое, «и всякий его вид выступает лишь как член в организме Целого, все науки и виды знания суть части единой философии, т.е. [части единого] стремление принять участие в Празднании. *И всё, что происходит непосредственно из Абсолютного, как из своего корня, само является абсолютным, стало быть, не имеет цели вне себя, но само является целью*» [3]. Шеллинг исходит из предпосылки необходимости существования абсолютного безусловного знания, которое выходит за границы внешних рассудочных категорий в сферу абсолютного. «Изначальная задача всякой философии именно в том и состоит, чтобы через факты сознания *выйти к чему-то такому, что является абсолютным в себе самом*; выдавать же за такую задачу *голое перечисление фактов* даже и не пришло бы в голову тем, кто имеет обыкновение это делать, если бы им не предшествовала истинная философия» [4]. Именно истинная философия, (а не человеческий рассудок, которому доступен лишь мир явлений) занята *абсолютным познанием*. Для неё законы рассудка не имеют никакой силы, ибо философия обладает более высокой способностью познания (*Erkenntnisvermögen*), чем рассудок; эта «способность» есть созерцание чистого разума, или *интеллектуальное созерцание*. Однако «способность» философии (интеллектуальное созерцание) может дойти до Абсолютного лишь в том случае, если сущность самого Абсолютного состоит в познании. Поэтому Шеллинг и определил Абсолютное как *субъект-объективность* вечного самосозерцания (самопознания) Абсолютного. Иными словами, *интеллектуальное созерцание и есть самосозерцание (самопознание) Абсолютного*, как его вечное Празднание, к общности с которым стремится всякое истинное человеческое знание. Здесь учение Шеллинга действительно очень близко соприкасается с «интеллектуальной любовью Бога к самому себе» Спинозы (*amor dei intellectualis, quo deus se ipsum amat*), но ещё более с *учением романтиков о гениальности (Genielehre)*. Действительно, Абсолютное Шеллинга есть, с точки зрения романтического идеала, ничто иное, как *абсолютный гений (Genius)*, в вечной продуктивности творящий («конструирующий») мир исключительно ради своего самосозерцания – в качестве высшего художественного произведения. И хотя Шеллинг сам никогда не выражал своё учение в этой форме, тем не менее интеллектуальное (само)созерцание Абсолютного можно, в известном смысле, действительно представить как *вечное упоение и наслаждение собственной фантазией абсолютного гения*. Неслучайно в последней (14-й) лекции Шеллинг практически отождествляет *философию и искусство*, как «прообраз» и «отображение» самой общей им обоим абсолютности. «Философия и искусство встречаются на последней вершине и являются для себя, именно в силу своей общей абсолютности, *прообразом и отображением (Vorbild und Gegenbild)*. В этом заключается основание того, что во Внутреннее искусство никакое чувство не проникнет научно глубже, нежели понимание философии», так что «философ яснее даже, чем сам художник, может проникнуть в сущность искусства. Поскольку Идеальное всегда есть более высокий рефлекс Реального, постольку в философии необходимо имеется также и более высокий идеальный рефлекс того, что в художнике является реальным. Отсюда выясняется не только то, что в философии искусство может стать предметом познания, но также и то, что вне философии и иначе, чем посредством философии об искусстве нельзя ничего знать абсолютным образом» [5].

Таким образом, поскольку в *субъект-объективности* (или в тождестве Реального и Идеального) открыт первопринцип (Urprinzip) и «всеуправляющий закон универсума», то задача науки может заключаться лишь в выведении всего из этого определённого пункта, прослеживая во всех явлениях действие (Akt) субъект-объективирования, представляя везде их как количественное различие Идеального и Реального. Так, что касается наук о *природе*, то, «согласно этому взгляду, природа, по своей сущности (т.е. как «предмет» интеллектуального созерцания – *И.Ф.*), едина не только в своём *В-себе* (где она является целым абсолютным Актом самого субъект-объективирования), но также и в своём *явлении* (где она представляет себя как относительно-реальную или объективную сторону этого Акта); в ней нет никакой *внутренней* различённости,

но во всём единая жизнь, одна и та же сила, тот же самый сплав посредством идей. В ней нет никакой чистой телесности, но везде – душа, лишь символически выраженная в теле, и *только для явления существует этот перевес одного над другим*. На этом же основании и наука о природе может быть лишь Единым, а части, на которые её расщепляет рассудок, представляют лишь ветви абсолютного познания» [6].

Научный метод есть поэтому *конструирование* (или конструкция, Konstruktion), которое, согласно Шеллингу, существенно отличается от *дедуктивного метода* («дедуцирования»), т.е. от традиционного метода выведения из одного (единого) принципа всех рационалистических мыслителей, начиная с Декарта. В отличие от рациональной философии, пользующейся методом дедуцирования и опирающейся при этом на *закон основания и следствия* («причины и действия»), философия абсолютного тождества Шеллинга рассматривает этот «закон-теорию каузальности» (точно так же, как и «закон противоречия») лишь в качестве закона *эмпирического рассудка*, совершенно неподходящего *абсолютному методу познания* интеллектуального созерцания. Поскольку же интеллектуальное созерцание предполагает совершенное отсутствие какого-либо развития в самом Абсолютном, то *конструирование* состоит не в «выведении», но, скорее, лишь в *объяснении*, или, в *телеологическом истолковании всех вещей и явлений*, благодаря которому, как уже было замечено, каждому единичному явлению указывается подобающее ему место в системе Целого. Любая особенная наука, если она заслуживает этого имени, должна в конце концов прийти к *точке зрения субъект-объективности*, как исходному пункту конструирования. Поэтому «в себе» существует лишь одна *единая научная система*, которая в своей тотальности (включающей в себя все особенные науки как члены единого живого Целого) должна быть точным отображением (Abdruck) Празнания.

Естественно, что с этой точки зрения всякое *чисто эмпирическое знание* (т.е. лишённое единого центрального пункта) знание, которое основывается на законах конечного рассудка и поэтому застревает на конечных явлениях, оказывается лишь блужданием в потёмках и распадением на частные единичности.

Таким образом, исходя из предпосылки телеологического всеобщего истолкования, Шеллинг, как и докантовский рационализм, снова различает между *адекватным* (или «интуитивным») и *неадекватным* (или «запутанным», verworren) познанием, – между познанием «*возможного*» и познанием «*действительного*». Правда, поскольку учение абсолютного тождества не признаёт никакого различия между эмпирическим и абсолютным миром, постольку Шеллинг вынужден попытаться *произвести* («сконструировать») эмпирический мир из абсолютного мира, и, таким образом, во всеобщей системе наук *подчинённое значение* косвенно признаётся также и за эмпирическим знанием, за эмпирическими науками. Это подчинённое значение, стало быть, *оправдание*, эмпирическая наука получает, согласно Шеллингу, лишь тогда, когда она ограничивается *простым изложением фактов и чистым описанием опыта*, даже не пытаясь своими средствами как либо *объяснить* это «фактическое» опытное содержание. Вся её задача (и одновременно оправдание) заключается лишь в том, чтобы *доставлять материал*. *Объяснять* и *конструировать* этот «материал» составляет задачу уже высшего *абсолютного познания*, которое есть дело «*продуктивной гениальности*».

Во времена Шеллинга, т.е. в конце XVIII – первой половине XIX века (особенно в *начале XIX века*) *Университет* был главным местом пребывания Науки в Германии. Поэтому Шеллинг мог осуществить свой научный идеал *только в Университете, среди вновь устремившейся* – как, впрочем, во все времена в Германии! – *к знанию немецкой студенческой молодёжи*, «ещё не затвердевшей в отживших форма» [7]. Вот почему он даёт свои новые научные реформаторские идеи (основанные на открытой им точке зрения единства всякого знания вообще) в виде учения о методе академического (или, говоря более нам современно, университетского) образования.

Идеальный организм Науки, согласно Шеллингу, должен осуществляться во внешнем целом наук в *Университете*. «Этот внутренний организм первоначального знания и философии является также тем организмом, который должен быть выражен *во внешнем целом наук*, и который посредством их разделения и соединения должен быть сконструирован в единое тело» [8]. Подобно тому как существует лишь один *единый* разум, проявляющийся в развивающейся потенцированной вселенной, точно так же существует лишь одна *единая* наука, развивающаяся в постепенном ряду отдельных наук. «Абсолютно единое, из которого вытекают и в которое возвращаются все науки, есть Празнание (Urwissen), через преобразование (Einbildung) которого в конкретном Целом познания развивается из *единого центрального пункта* до самых внешних членов. Те науки, в которых оно мыслится (sich reflektiert) как в своих непосредственнейших органах (а знание, как Рефлектирующее совпадает в Едином с празнанием, как Рефлектированным), суть как бы всеобщие чувства (Sensoria) в органическом теле знания. Мы должны исходить из этих центральных органов, чтобы выводить из них жизнь через различные источники до самых внешних частей» [9]. Таким образом, система академического изучения должна состоять из *единой всеобщей Науки*, которая заключает в себе в *абстрактной* форме всё частное содержание отдельных наук, и из *отдельных наук*, ведущих своё происхождение из всеобщей Науки. «Особенному противостоит чистое Всеобщее, которое как *обособленное от него*, называется абстрактным.... Если в особенном знании форма несоразмерна сущности, то чисто всеобщее знание, наоборот, выступает для рассудка как сущность без формы» [10]. Лишь конечный рассудок, противопоставляя всеобщее особенному, превращает его в *абстракцию*, в пустую возможность по отношению к этому особенному, которое, в свою очередь, будучи лишено *идейного основания*, опускается на уровень внешнего эмпирического материала, механического агрегата частных сведений. «Достаточно ясно, что последнее основание и возможность всякого истинно абсолютного познания состоит именно в том, чтобы Всеобщее было вместе с тем *также и Особенным*, а то, что для рассудка является голой возможностью без действительности, сущностью без формы, и есть как раз действительность и форма этого [абсолютного познания]: это – идея всех идей, и на этом основании идея самого Абсолютного. Не менее очевидно, что

Абсолютное, рассматриваемое само по себе, поскольку оно представляет собой как раз *исключительно* это тождество, в себе не является ни одной из этих противоположностей, но будучи равной *сущностью* обоих, а, стало быть, тождеством, оно может представить себя в *явлении* исключительно *либо* в Реальном, *либо* в Идеальном» [11]. Согласно Шеллингу, абсолютное тождество, выступающее как единство всеобщего и особенного, возможного и действительного есть необходимая предпосылка и основной «объект» всякого истинного знания.

Однако Шеллинг, как настоящий романтик, видит в существующем разделении наук в университете нечто исторически сложившееся, *Ставшее* согласно законам абсолютного разума и потому ему соразмерное, имеющее основание в сущности самой науки, «разумное». Поэтому он, в отличие от реформаторских попыток университетской науки Канта и Фихте, стремится распознать свою научную систему абсолютного тождества в основании уже существующего деления факультетов. Романтик Шеллинг не мог, подобно Канту, выводить организацию университетских наук из их отношения к *государству* [12]; ибо хотя Шеллинг и согласен с тем, что Университет – как *реально-существующая* организация знания – находится, конечно, во всеобщем идеальном государственном организме, обеспечивающем университету *внешнее существование*, в расчёте на воспитание добросовестных *государственных служащих*, т.е. как выражается Шеллинг, «слуг государства». Однако, поскольку это «воспитание» кадров госслужащих происходит в Университете не иначе, как посредством самой *Науки*, и поскольку Наука развивается лишь тогда, когда ею занимаются *ради неё самой*, т.е. когда она выступает как *самоцель*, поскольку *непосредственные Цели и задачи государства не должны иметь никакого отношения к Университету*. «Относительно требования, вытекающего из идеи самого дела, – говорит Шеллинг, – *о разработке всех наук в духе всеобщего и абсолютного знания*, остаётся лишь спросить: откуда взять всех этих учителей, готовых совершить это?... Можно было бы спросить, надлежит ли вообще как бы от имени Науки предъявлять требование университетам, когда достаточно известно и принято, что они являются инструментами государства и должны быть тем, к чему оно их предназначает. Однако, если бы намерение государства заключалось в том, чтобы в науке сплошь наблюдалась умеренность, воздержанность и ограниченность *обыденным и полезным*, то как можно тогда ожидать от учителей прогрессивного стремления и желания *образовывать свою науку согласно идеям*? Но понятно само собой (что мы все предполагаем и должны предполагать), что государство хочет видеть в университетах действительно *научные* заведения, и что всё, утверждаемое нами относительно последних, имеет значение лишь при этом условии. Государство бесспорно вполне уполномочено совсем упразднить университеты и академии и преобразовать их в промышленные училища или в другие школы подобных целей; но оно не может, имея целью действительную науку, не желать вместе с тем *жизни идей и свободнейшего научного движения*, отказываясь от которых (большой частью лишь из мелочных соображений ради спокойствия неспособных), подавляет талант и препятствует гению» [13]. Вообще *знание* выступает Высшим для Шеллинга уже не в качестве «нравственного деяния» Канта-Фихтевской философии, но как *художественно-философское продуцирование Гения*. «Только благодаря этой божественной производительной способности становятся Человеком; без неё – лишь более или менее умно оборудованной машиной» [14]. Абсолютное, как оно есть *в себе*, оказывается, по Шеллингу, в состоянии себя созерцать только *в знании разумного существа* (Человека); следовательно, человеческое знание есть необходимый *элемент* (Bestandteil) божественного самооткровения: «человек, вообще разумное существо, поставлено для того, чтобы быть завершением явления мира (Welterscheinung); из него, из его деятельности должно развиваться то, что недостаёт для тотальности откровения Бога» [15]. Таким образом, подобно тому, как само Абсолютное мыслится Шеллингом по аналогии с романтическим представлением о *гении*, так высшая цель всякого конечного бытия понимается им как *художественно-философское продуцирование гениальной личности*.

Философия есть высшая, абсолютная наука чистого разума, непосредственно совпадающая с *первичным знанием* (Urwissen). *Философия есть непосредственное знание первичного знания*, поэтому она точно так же, как и само это празнание, есть *объединение* (Vereinigung) *противоположностей*. *Философия* есть непосредственное (или интеллектуальное) созерцание разума, в то время как *математика* есть отрешённое (или рефлексированное) созерцание разума [16]. В философии изначально соединены все противоположности, в ней, как в высшей Науке, «всё едино и изначально связано, природа и Бог, наука и искусство, религия и поэзия, и если она в себе упраздняет все противоположности, то она не находится также и ни с чем другим извне в истинном или каком-либо другом противопоставлении (кроме того бесформенного и несерьёзного противоречия, которое возможно со стороны ненаучности, эмпиризма и поверхностного дилетантизма)» [17]. Тем не менее, философия есть лишь *идеальное* изложение (Darstellung) празнания как такового. Поэтому философия стремится к объективированию посредством *реальной* науки, которая есть *реальное* изложение (Darstellung) празнания. Философия стремится восполнить «объективное» (реальное) изложение празнания, недостающее ей как науке чистого разума, на том же основании, что и абсолютное тождество дифференцируется ради своей объективации в самом универсуме.

Абсолютное в своём развёртывании во вселенной расщепляется (дифференцируется) на Реальное и Идеальное, на природу и историю. Согласно этой дифференциации Абсолютного, Наука распадается на науку *о природе* (естествознание) и науку *об истории* (историческая наука). Что же касается пункта абсолютной индифферентности, то здесь первой наукой выступает непосредственное знание об абсолютной и божественной сущности, *теология*. «Переход [абсолютного тождества] в объективность необходимо полагает всеобщее разделение наук как *особенных*, ибо едины они только в Празнании. Однако, внешний схематизм их деления и объединения должен определяться по образу внутреннего типа философии. Этот тип покочится на трёх основных пунктах: (1) на пункте *абсолютной индифференции*, в котором реальный и идеальный мир рассматривается как единое; и на двух лишь относительно или идеально противоположных первому пунктах,

из которых один (2) выражает Абсолютное в Реальном и есть *центр реального мира*, а другой (3) выражает Абсолютное в Идеальном и есть *центр идеального мира*. Таким образом, также и *внешний организм знания* будет покоится на трёх друг от друга отличных и всё же внешне связанных науках» [18].

Философия лежит в основании всего научного (университетского) образования, поэтому интерес к философии, считает Шеллинг, полезен и даже необходим при изучении всех наук. Однако, при изучении философии, следует отличать её подлинные формы от ложных, а в пределах самой подлинной формы – *особенное* и *всеобщее* философское умозрение. К логике философии Шеллинг относит «обыкновенную эмпирическую философию» и основанный на ней «скептицизм», «учение обыденного рассудка», который неспособные подлинной философии люди называют «*здравым смыслом*», и основанная на этом учении формальная «логика», которая возводит законы обыденного рассудка на степень абсолютных законов и, отрицая высший принцип подлинной философии (утверждающей *единство противоположностей*), устанавливает ограничение – рассудочный «закон противоречия» как «высший закон мышления».

Будучи *системой абсолютного тождества*, философия относится к другим наукам как *всеобщее* к особенному, как *абсолютная индифференция* к ряду количественных дифференций («потенций»), как *Абсолютное* к мировому откровению в природе и духе (история). Поэтому в *особенной форме* философия выступает в качестве предметов «объективных наук», в которых выражается всеобщий организм знания. Эти предметы суть *Бог, природа и история*, науки о которых суть *теология, естествознание и история*.

Поскольку *реальное* знание может завершиться не в индивидууме, но только в человеческом роде (и в роде также лишь в бесконечном прогрессе), и поскольку всякое историческое развитие направлено к реализации внешнего организма, то всеобщнейший идеальный организм, к которому стремится история, есть *государство*. В отношении к государству *теология, естествознание и история* называются положительными («*позитивными*») науками. Они составляют ветви единого ствола государственного научного учреждения (*университета*) и поэтому называются «*факультетами*». Философия, присутствуя *во всех науках* как всеобщее основание не может выступать в позитивной форме государственного научного учреждения, поэтому, согласно Шеллингу, *философского факультета* как такового не может быть в Университете.

Теология является высшей «положительной» (или «объективной») наукой, поскольку в ней объективируется Внутреннейшая сущность философии. После неё, согласно Шеллинговой системе абсолютного тождества, выступающей в виде внешнего научного организма (университета), следует *юриспруденция*, в которой становится объективной историческая наука. Ведь «история» в более узком смысле есть *развитие понимания права (правосознания)* или *государства*. Лишь в изучении *права* история может стать положительной наукой. *Естествознание* (Naturwissenschaft) в конце концов объективируется на факультете *медицины*, ибо в медицине – как всеобщей науке об организме – естествознание выступает в наиболее завершённой форме и, добавляет Шеллинг, только в медицине естествознание может стать «общественным долгом» [19].

Итак, что касается собственно *философии*, то, поскольку Абсолютное достигает своего *совершенного (полного) объективирования* лишь в тотальности универсума (т.е. в целостности вселенной), она может стать «объективной» наукой лишь во всеобщей *системе наук*, а не в какой-либо отдельной науке. И хотя в *искусстве* философия становится всё же объективной в своей целостности (или тотальности), т.е. выступает как Целое, тем не менее, согласно Шеллингу, не может быть также и *художественного факультета* (или «факультета искусств»), ибо искусства не могут быть привилегированы или ограничены со стороны государства. Искусство, точно так же, как и философия, могут образовывать лишь *свободные общества (ферайны)*. «Что же касается философского факультета, – говорит Шеллинг, – то я утверждаю, что такого вообще нет и быть не может, и вот совершенно простое доказательство этого: то, что является всем, именно поэтому не может быть ничем в особенности... Сама философия и есть то, что становится объективным в трёх позитивных науках (т.е. в *теологии, естествознании и истории* – И.Ф.), но в своей *тотальности* она не становится объективной ни через одну из них в отдельности. Истинной объективностью философии в её тотальности является лишь *искусство*; таким образом, не может быть вовсе никакого «философского факультета», но лишь *факультет искусств*. Однако искусства не могут быть ни привилегированы, ни ограничены внешней властью или государством... Возможны лишь *свободные корпорации* во имя искусства: это и составляло в старых университетах смысл так называемого «философского факультета», который прежде именовался *Collegium Artium*, а его представители – *художниками (Artisten)*. Это отличие философского факультета от остальных сохранилось ещё и до сих пор в том, что они выпускают (сгеігт) не *государственных обязанных преподавателей (Doctores)*, подобно привилегированным факультетам, но *мастеров (Magistros) свободных искусств*» [20]. Поэтому Шеллинг призывает вернуть прежнее романтическо-средневековое название философского факультета: *facultas artium liberalium*.

Для романтика Шеллинга философия есть *дело гения*. Ибо его орган, интеллектуальное созерцание, есть *гениальная интуиция*, стало быть, есть некий *природный задаток* (Naturanlage), «врождённая» способность, словом, *дар Божий*. Поэтому Шеллинг утверждает, что философии как таковой «нельзя выучиться»; ибо с помощью упражнения и усердия можно достичь лишь знания её *особенных форм*, познание которых, тем не менее, также должно быть целью при её изучении. «Когда говорят, что философии нельзя научить, то это вовсе не значит, что можно обладать ею без упражнения, или что если размышляют и связывают мысли о природе, то уже могут о ней *философствовать*. Большинство из тех, кто в настоящее время рассуждает о философии, или кому даже приходит в голову ввести собственную систему, могли бы полностью исцелиться от этого чванства уже посредством знания, достигнутого прежде в этой науке. Тогда бы реже происходило то, что лишь стало совершенно обычным явлением, – когда, например, к тем ошибкам, от которых уже давно отказались, возвращаются, исходя из ещё более поверхностных оснований, нежели те, которые к ним привели;

или когда несколькими словесными формулами пытаются заковать дух философии и постичь её великие предметы» [21]. Конечно, *продуктивная способность* философии не может быть преподана, но там где она уже имеется *налицо*, можно её пробуждать и образовывать дальше.

Постижение ничтожности всякого лишь эмпирического познания есть *негативное условие* всякой истинной философии. Для этого не требуется философской *продуктивной способности*. «То, что в философии можно если и не выучить, но всё же освоить до некоторой степени благодаря упражнению, есть искусственная сторона этой науки, или то, что можно назвать вообще «*диалектикой*». *Без диалектического искусства нет никакой научной философии!* Доказательством этого служит уже её намерение представлять всё как единое и в формах, изначально принадлежащих рефлексии, выражать, тем не менее, празнание. Именно на этом отношении спекуляции к рефлексии и покоится диалектика» [22]. Таким образом, выучиться философии с позитивной стороны можно – как и в искусстве – *форме*, которая в философии заключается в *диалектике*, или в диалектическом искусстве.

Учением об этом «искусстве диалектики» должна стать *логика*, которая должна быть совершенно преобразована для этой цели. Прежняя же наука, которая теперь называется «логикой», на самом деле есть *чисто эмпирическая доктрина (Doktrin)*, в которой законы обыкновенного («здорового») рассудка выступают как абсолютные. В этом заблуждении рассудочной логики оказалась также и «трансцендентальная логика» Канта, которая (чисто негативно!) справедливо утверждала невозможность абсолютного познания с помощью рассудка (который она, правда, называла также и «разумом»). Только в качестве такого, чисто отрицательного результата, т.е. в качестве *научного скептицизма*, обычная эмпирическая (формальная) логика может притязать на научное значение. Тем не менее она необходимо должна *восполняться* «позитивной» логикой, т.е. *диалектикой*, как *учением о методе абсолютного познания*. «Одно лишь сомнение в обычном и конечном рассмотрении вещей столь же мало является философией; надо дойти до категорического познания ничтожности этого воззрения, и это негативное познание должно стать равным позитивному созерцанию абсолютности, если оно только действительно должно возвыситься до подлинного скептицизма. В целом к эмпирическим опытам в философии относится и то, что обычно называется «логикой». Если логика является наукой о *форме*, как бы чистым учением о *философском искусстве*, то она должна быть тем, что мы охарактеризовали выше под именем «диалектики». *Такой диалектики пока не существует*. Если она должна быть чистым представлением форм конечности в их отношении к Абсолютному, то она необходимо окажется научным скептицизмом; за такой скептицизм нельзя считать «трансцендентальную логику» Канта. Если же под «логикой» понимать *чисто формальную науку*, противопологающую себя *содержанию* или *материи* знания, то она в себе окажется прямо противоположной философии дисциплиной, так как философия движется именно к *абсолютному единству формы и сущности*, и – обособляя от себя «материал», как нечто конкретное в эмпирическом значении, – представляет именно *абсолютную реальность*, которая есть одновременно *абсолютная идеальность*. Таким образом, чисто формальная логика является эмпирической доктриной, выдвигающей в качестве абсолютных законы обычного рассудка» [23].

Поскольку природу Шеллинг постигает как *динамический процесс*, который предполагает жизнь имеющейся уже в самой материи, постольку он не признаёт ни *психологии* (которая благодаря Просвещению, слишком часто выступала обоснованием – посредством «психических ассоциативных представлений» – религии и даже философии), ни *механической физики*. Что касается психологии, то для Шеллинга истинная наука о человеке (Шеллинг противопоставляет дуалистическому разбиению человека на душу и тело, предпосылаемое обычной «психологией», *цельную природу* человека как такового) исходит не из эмпирического человека, и ещё менее не от одной его стороны, но лишь из *идеи человека*, т.е. она пытается объяснить *положение и значение человека в целой мировой связи*. «Всякая истинная наука о человеке имеет дело исключительно с существенным и абсолютным единством души и тела, состоящая в *идее* человека, следовательно, вообще не имеет дела с действительным и эмпирическим человеком, который есть лишь явление этой идеи. Собственно, надо говорить о психологии в *физике*, которая со своей стороны, с тем же логичным основанием рассматривает одно лишь телесное, считая мёртвыми материю и природу. *Истинное естествознание* выступает не из этого разделения, но лишь из тождества души и тела всех вещей, т.е. из Идеи, ибо во всех вещах природы, как и в самой душе, живёт лишь Идея; поэтому между физикой и психологией немыслима никакая реальная противоположность. Но даже если бы и захотели её признать, то в этом противопоставлении ни психология, ни физика не объяснили бы каким образом эта противоположность была бы возможна в *философии*. Так как психология знает душу не в идее, но в виде явления и лишь в противоположность к тому, с чем душа едина в идее, то она необходимо имеет тенденцию всё подчинить в человеке *причинной связи* и не признавать в нём ничего происходящим *непосредственно из самого Абсолютного* или из сущности, и этим унизить всё Высокое и Необычное, в особенности доводя до совершенства то представление, согласно которому в человеке ничего не возникает божественным способом. *Всё, что вообще приводится против философии, как познания и науки об Абсолютном, происходит из этого учения о душе*, которое точно также можно применить и в *религии*, и в *искусстве*, и в *добродетели*. Великие дела и характер прекрасной жизни древнего мира под психологическим ножом выглядят как естественный результат некоторых совершенно объяснимых *мотивов*. Идеи философии выводятся из некоторых весьма грубых *психологических* заблуждений. Произведения древних великих мастеров искусства являются результатом естественной игры *особенных душевных сил*, если, например, Шекспир всё же признаётся при этом великим поэтом, то лишь благодаря его прекрасному знанию человеческого сердца и его крайне утончённой *психологии*. Главный вывод из этого учения есть всеобщая система *равновесия сил* (санкюлотизм)» [24]. Для чего же, продолжает Шеллинг, нужны тогда *воображения, фантазия и гений*? Ведь, если в сущности *все равны*, тогда, скажем, «гений» есть ничто иное, как всего лишь «перевес» какой-то душевной силы (или «комплекса» сил) над другими «и поскольку является *болезнью и ненормальностью* (собственно, лишь родом *безумия*, в котором ещё

есть метод), в то время как у «разумных», ординарных, трезвых людей всё пребывает в приятном равновесии, а потому и в совершенном здравии» [25].

Отвергая психологию, эту «так называемую науку», Шеллинг выступает с романтически-художественных позиций сопротивления тенденции псевдо-научных психологических объяснений всего Высокого и Великого, т.е. Божественного и Абсолютного в человеке. Психология своими объяснениями стремится всё в человеке подчинить причинной связи, обесценивая великие дела выведением их из *естественных психологических мотивов*, а великие произведения искусства представлением их *естественной игрой особенных душевных сил*. Даже *сила воображения*, даже *гений* эта вульгарная психология хочет объяснить «естественным способом» т.е., говоря современным языком, «*естественнонаучным методом*». Шеллинг, как видно из вышесказанного, предвосхитил всю психологическую «науку» XIX-XX веков. Согласно Шеллингу, в человеке – и особенно в *великом* человеке! – нельзя рационально объяснить всё. В нём всегда остаётся нечто Непонятное (Unbegreifliches), Непостижимое, Необъяснимое: это есть *гений* человека. Шеллинг, как настоящий Художник-Романтик, видит в бессознательном произведении (продуцировании) гения *непосредственное действие Абсолютного*. Поэтому он сам, чувствуя в себе деятельность этого Начала, последовательно объявляет *гениальную интуицию* (т.е. интеллектуальное созерцание) *самооткровением Абсолютного*. Поэтому Шеллинг говорит, что «*философское созерцание есть непосредственное разумное или интеллектуальное созерцание, абсолютно тождественное со своим предметом, т.е. самим первоначальным знанием*. Изображением (Darstellung) в интеллектуальном созерцании выступает философское построение (Construction); но как всеобщее единство, находящееся в основании всего, так и особенные единства, в каждое из которых вмещается равная абсолютность празнания, могут содержаться лишь в *разумном созерцании* (Vernunftanschau-ung), и постольку они суть идеи. Следовательно, философия есть *наука об идеях*, или вечных образах вещей. *Без интеллектуального созерцания – никакой философии!*» [26].

Таким образом, Университет, с точки зрения Шеллинга, является чисто научным учреждением, в котором может существовать либо *только философия*, без каких-либо факультетов, либо существуют факультеты, но нет философского «факультета». В последнем случае, как было уже указано выше, в трёх положительных науках (*теологии, естествознании и истории*) объективируется сама философия. Поскольку Шеллинг подчёркивает *государственную* основу Университета, как научного учреждения, то он считает приемлемым и возможным вторую форму внутреннего строя Университета, т.е. существование различных факультетов без философского «факультета», ибо *философия есть всеобщая, а не особенная наука*, лежащая в основании всех остальных наук и их деление.

Примечания:

1. Schelling F.W.J. S.W., Bd.V., S.214-215.
2. Ibid, S.216-218.
3. Ibid, S.218
4. Ibid, S.269
5. Ibid, S.348.
6. Ibid, S.325.
7. Ibid, S.214.
8. Ibid, Bd. V, S.228.
9. Ibid, S.248.
10. Ibid, S.249-250.
11. Ibid, S.250.
12. Кант И. "Спор факультетов".
13. Schelling F.W.J. S.W., Bd.V., S.229.
14. Ibid, S.241.
15. Ibid, S.218.

16. Математика также, согласно Шеллингу, относится к науке чистого разума, поскольку имеет своим "предметом" Всеобщее, то есть знание Абсолютного в его универсальном отражении (или рефлексии), стало быть, имеет своим основанием тождество во всём являющемся бытии и всякой деятельности (пространство и время).

17. Schelling F.W.J. S.W., Bd.V., S.279.
18. Ibid, S.282-283.
19. Ibid, S.283.
20. Ibid, S.284.
21. Ibid, S.266.
22. Ibid, S.267.
23. Ibid, S.269-270.
24. Ibid, S.271-272.
25. Ibid, S.272.
26. Ibid, S.255.